

ЛЮДМИЛА ШИШКИНА-ЯРМОЛЕНКО
кандидат филологических наук,
доцент кафедры культурной антропологии
и этнической социологии факультета социологии СПбГУ

РУССКИЙ ЭКСТРИМ

опыт антропологической прозы

Это знание присуще каждому человеку и состоит в том, что прошлое должно пониматься не как бесследно исчезнувшее, а как то, что всё ещё сохраняет своё присутствие... Лишь там, где в настоящем присутствует прошлое, вообще имеет место нечто такое, как история.

Отмар Шпанн

Что делает антрополог? Он всего лишь пишет текст, создаёт насыщенное описание ситуации. Но в этом описании, по К. Гирцу, микроскопический план свидетельствует о символических смыслах, которые определяют актуальность события. Однако такое описание возможно лишь с честной позиции наблюдающего участия. Только так мы ощущаем и природу, и себя как разумную часть её, и мир, который глубже, объёмнее, значимее природы, мир как Целое, доступное интуиции.

Реальность Целого обладает другой, не подвластной банальному анализу логикой, которую, даже зная её, всякий раз необходимо заново раскрывать, разгадывать в случившемся в соразмерности с опытом собственной жизни. И никак иначе. И тогда в череде всё более глубоких резонансов открываются непростые смыслы происходящего.

Эта реальность была за сутки (даже меньше!) развёрнута в мир моей жизни «здесь и сейчас».

Ничто не предвещало случившегося. Псковская область. Пограничная зона. На исходе Петрова дня вдвоём с мужем мы идём на хутор, видимо, попрощаться. 22 года из 25-и последних я проводила на этом хуторе лето. Там мой внутренний человек оживал, активизировался, освобождаясь от

бремени городской повседневщины, и можно было, наконец, сделать очередной рывок в осмыслении происходившего до и во время.

География нашего путешествия проста. Река Утроя и прокопанная почти под прямым углом к ней глубокая канава когда-то были условной границей между Россией и Латвией. В этом углу, на кончике так называемого латгальского языка и стоит наш хутор. «Последний дом в России» — шутили мы когда-то, добираясь до него от ближайшей латвийской станции (2 км). И дошутились в 91-м. Теперь истинно так: до границы рукой подать (400 — 500 м), а ближайшая деревня с нашей стороны примерно в 5-и километрах. Там три раза в неделю работает магазин, есть телефонная будка и дважды в день приезжает автобус: цивилизация.

Все окрестные хутора заброшены, разграблены или даже сожжены. Наш ещё стоит. Каждое лето туда трижды на пару дней приезжает хозяин. Копают, сажают, полет, косит, а в конце августа прёт на себе собранный урожай до автобуса и везёт в Петербург. Вопреки всякой логике. Но именно это «вопреки», похоже, и спасает «последний дом в России». Пока. Два года мы не были в этих местах, да и в предыдущие годы приезжали уже недели на три, не больше: неуютно становилось вдали от людей, в пассионарном буйстве зверей и деревьев и в окружении НАТО.

На этот раз мы экипировались по-походному: недельный запас продуктов в рюкзаках и спальные мешки, купленные перед отъездом. Нас предупредили, что лошадь уже не пройдёт, и мы рассчитывали только на себя.

У меня — большие планы на неделю. Послушать новые французские тексты на плеере, почитать Макария Египетского (давно собиралась: его молитвы в утреннем правиле задают особый, прониновенный ритм; да ещё — отсылка Андрея Белого к словам Макария о душевном составе как о церкви). Плюс хозяйственные дела. А муж почему-то взял из летней библиотеки наших друзей в Бухолово книгу о Че Геваре.

Однако основная интрига — готовящийся к выходу сборник стихов Юрия Шевчука, присланный с просьбой отозваться. В городе прочитала лишь два первых стиха да предисловие Татьяны Ковальковой: «Правда голых слов». Была потрясена и тем, и другим, что случается редко. И вот теперь ждала встречи со словом человека, который один с момента его появления и по сей день представляет русский рок в моём мире (конечно, ещё В. Цой, но это — героическая юность; потому и погиб).

И по возрасту, и по состоянию души я и в 90-е не годилась в фанаты, к так называемому русскому (а скорее — советскому) року относилась скептически и не слишком им интересовалась: виртуальные поиски в ментальных мирах. Реальность как она есть обнаруживала себя, корчилась от боли, кричала только в ритмах Цоя и Шевчука.

Помню услышанное однажды интервью с Ю. Шевчуком. Он сказал, что привёл на свой концерт отца, прошедшего Великую Отечественную. После концерта спросил: «Ну, как?». «Как на танке до Берлина» — был ответ, поразивший меня своей точностью. И до сих пор каждая встреча с песней Шевчука, где бы она ни происходила, для меня — особое переживание реальности, глубокий, до холодной волны по спине, резонанс — состояние,

которое испытываешь не часто, не спутаешь ни с чем и потому особенно им дорожишь, — ощущение момента истины.

Круг первый

Дорога кончилась сразу за скошенным полем у последнего жилого дома. Мы не ожидали. Раскрывшийся перед нами простор был почти не знаком: луга с редкими деревьями и кущами на местах старых хуторов за два года превратились в сплошное зелёное море, в котором потерялись все опознавательные знаки. Ясно было только направление. Спасла профессиональная зрительная память мужа. Он нырнул в какие-то трудно проходимые перелески, выводил на полянки, сплошь изрытые кабанами и всё-таки без особых потерь времени привёл меня к хутору, от которого до нашего оставалось 15 — 20 минут хода. Старая дорога хорошо просматривалась, и мне стало спокойней.

Мы благополучно дошли до середины пути — и обнаружили, что последнего перед нашим хутором и давно брошенного дома нет. И поле, где когда-то располагалась усадьба, прилично заросло, но всё-таки узнаваемо. Да и дорога с придорожной канавой — вот она. Но в конце поля пропала и дорога, вернее — лес, бывший слева и справа, за два года соединился сплошным массивом мелкой ольхи и малины, прорваться сквозь который без топора было невозможно. Пришлось обходить слева, ближе к невидимой отсюда реке. Было ещё совершенно светло, и опять ничего не предвещало случившегося позже.

А случилось следующее: мы бодро ринулись вперёд — и опомнились в половине двенадцатого. Борьба с лесом съела два часа, а мы только сейчас ощутили эту потерю. Ситуация прояснилась. Надо было располагаться на ночлег (вот для чего нужны были спальники!).

Устроившись на ночь (переодевшись в сухое и забравшись в спальный мешок), я затаилась, прислушалась. Странно было, поскольку непонятно. Если «водит», то ради чего? Испытание сил и духа? Конечно. Но ведь мы вдвоём, да и заблудиться окончательно здесь фактически негде: рано или поздно — выйдем. Эскадрильи комаров атаковали нас в строгой последовательности, и каждая обладала своим голосом. Мне никогда не приходилось ночевать вне дома без палатки. И вот на тебе! Я молилась и успокаивалась. Новый мир разворачивался вокруг меня и во мне. Лес стихал. Первая звезда зажглась прямо надо мной. Ночные поезда слышались издалёка и объезжали меня справа, долго ещё не замолкая. Значит, справа и река, а завтра будет прекрасная погода. И вновь, куда острее, чем раньше, ощутила я древнее единство с природой, свою естественную включённость в неё, а значит, возможность слушать и слышать, видеть и прозревать этот мир. Я больше не воевала с пространством, но, смиряясь, пыталась его понять.

И тут всплыло начало первого стихотворения Шевчука:

*Когда един,
Когда ты — одиночество стреляющих теней*

*В лесу застывшем, среди камней
И льдин.*

Строки заворожили меня. Да, собственно, я с ними и не расставалась с момента прочтения, потому что сразу узнала. Узнала давнее моё состояние и — замерла от контраста миров. Мой мир тогда был полон тем, что над счастьем:

*Шаг один — и я сольюсь с пространством
И в дали умрут лучи волос.*

Его мир — тем, что над горем. И ему, одному за всех, надо было пере-работать это каменное горе, встающее на нашем пути. Воин смутного времени, когда декартова система координат перестаёт отражать реальность. Когда враг дразнит, постоянно меняя облик, когда фронт и внутри, и снаружи. Жизнь — война. Для этого он рождён. Но на предельном напряжении сил ангелу-хранителю:

Расскажи мне, в чём смысл войны — не молчи!

А ангел — вне времени. Он прост и чист. Ему не с чем в себе бороться и нечего выбирать. Тюрьма, свобода, жизнь, смерть... Всё это — счастливый удел не ангела, но человека, равного Богу в творении собственной души (это, пожалуй, уже из поздних пониманий после того, как прочла на хуторе первую беседу Макария о душе как умной твари):

*Смысл каждой войны скрыт в каждой игре.
Ангел обнял меня светлым алым крылом,
На мгновение вспыхнуло небо небес:
— Выбирай, — улыбнулся, вздохнул и исчез...
А потом потемнело,*

Ох, уж это «выбирай!»... И всё-то нам кажется, что мы должны выбирать из двух, ну, в крайнем случае — из нескольких одно. Даже теорию вероятности придумали (кстати — для игры!). Спроецировали время на параллельные плоскости. На каждой — толпа событий. И взнуздали его алгоритмом выбора, не заметив, что между плоскостями — пропасть. Как же человеку в ней не пропасть, ведь он не двумерное существо! Но выбирать можно и зёрна истины из происходящего. Только со стороны их не увидишь! («Идеология идеологией, а опыт опытом — вот моё motto — писал когда-то Андрей Белый, — критицизм — грань между ними»).

... потом рассвело.

В шесть утра вновь пустившись в путь, мы пошли в противоположную от реки сторону, чётко представляя, что наш дом где-то рядом. За временем следить не успевали: ведь цель близка! Опомнились, когда перед глазами раскрылся простор, очень напоминающий бывшее поле, по противоположной стороне которого мы вчера пробирались до первого хутора. И всё-таки мы обрадовались: теперь, по крайней мере, ясно, куда идти. Проплутав ещё немного, мы, наконец, вновь оказались на этом хуторе. Был десятый час дня.

Однако упорство скитаний настораживало. Да и физически было не легко. Оставалось одно: считаться с неизбежностью происходящего. Повидимому, так должно быть. Для чего-то это мне нужно...

Круг второй

Успокоившись, организовали «завтрак на траве», съели по бутерброду. Честно говоря, есть не хотелось. Хотелось домой. Утро было прекрасное. Солнце светило ярко, ветерок играл в ветвях деревьев — всё напоминало прежнюю жизнь нашу в этих местах. И мы немного ослабились. Выйдя через полчаса на дорогу и начав обход зарослей, мы повторили прежний путь вплоть до места ночёвки и только тут поняли, что опять заблудились. Повернув в сторону от реки, взяли резко правее, надеясь, что на этот раз повезёт. И действительно: после долгих скитаний мы всё-таки увидели сараи, а за ними — дом. Но это был хутор, стоящий дальше всего от реки, с другой стороны от нашего, и подошли мы к нему с противоположного конца, сделав приличный круг по полям и лесам.

И снова от дома нас отделяло 15 минут хода и только один хутор, но этот путь был зеркально симметричен первому. И опять до следующего хутора мы дошли благополучно, правда, без дороги, по прямой через лес.

Стояла жара. Очень хотелось пить. Колодцы на хуторах были завалены, а у нас вместо воды — буквально засунутая нам нашими хозяевами в Бухолово бутылка с оставшимся от обеда пивом (грамм 200 — 300). Это-то пиво нас и спасло: по глотку на ночь, по глотку утром и на привале. Оставалось по глотку на крайний случай. А тут — гроза. Обрадовались. Напились из ладоней, подставляя их под струи, стекающие с крыши. Потом догадались, что так же можно наполнить бутылку, и, допив пиво, набрали целых пол-литра дождевой воды. Сменная одежда была мокра от пота. Пришлось залезть в спальники. Мы проспали часа два и немного просохли.

Происходившее не казалось случайным. Приехав на неделю, я бы точно сюда не пошла, а вот теперь — настоящее прощание. И с теми, кого уже нет, и с теми, кто далёко, и с той частью моей жизни, в которой каждый из живших на этих хуторах сыграл немалую роль. Из дома, где мы пережидали грозу, вещи неоднократно переходили в наш. Но главное — икона, старая крестьянская икона в большом киоте под стеклом. Пантелеймон-целитель в окружении белых цветов на выпуклом золотом фоне. Невероятная красота. Но бумажная. И потому до сих пор никем не украденная. Я уже знала: иконы, оставленные хозяевами в покинутых ими домах, хранят эти дома не больше двух лет. Потом и они не спасают дом от разграбления. Наверное, потому, что икона — только посредник в диалоге с Богом. Если нет вопрошающего, нет и ответа. Об этом и Хайдеггер. У Стерлигова есть гениальная картина со структурой этого диалога: «Разговор (вопрос и ответ)».

Оставалось преодолеть метров 300 с небольшим.

Круг третий

Третий круг мы совершили уже на этом крошечном участке. Дорогу опять найти не удалось. Мы двигались фронтом, чтобы не пропустить нашу баню — первое строение на пути. Наконец, муж крикнул, что

стоит на дороге. Я поспешила к нему, обрадовавшись, и метров через 50 мы увидели стену дома, из которого только что вышли. Вот тут я не на шутку испугалась, тем более что этот круг был пройден не по часовой стрелке, как предыдущие, а против часовой. Но дорога-то всё-таки нашлась! Следовательно, надо было только изменить направление.

На хуторе

С четвёртой попытки мы дошли до своего дома. Ощущения реальности увиденного не было: среди леса на фоне разрушенных и разграбленных хуторов, в которых мы побывали, наша усадьба с домом на замке, хоть и небольшим, но возделанным огородом, со скошенной травой в ближайшем пространстве казалась островом в океане из фильма Тарковского. Но впереди нас ожидал ещё один сюрприз. Открывая дверь, мы услышали странный шум, а затем увидели огромную сову, летящую на нас. Зрелище было потрясающим, но недолгим. Птица развернулась и нырнула под лавку, притворилась мёртвой. Только к ночи она решилась покинуть своё убежище и перелетела на чердак. Больше сова нас не беспокоила. Но не беспокоили и ночные гости — крысы.

На следующий день мы расчистили участок пути, обходя который дважды заблудились (метров 30 — 40, не больше), и обратно через неделю дошли уже без приключений. Как ни странно, дорога на всех участках везде была хорошо видна.

Так что же это было?

Осмысление случившегося идёт до сих пор. По очереди формируются слои интерпретаций, каждая из которых моделирует события этого периода под определённым углом зрения. Обнаруживаются новые доминанты, вскрываются кусочки истины. Через последовательные интерпретации человек приходит к пониманию происходящего. И тогда интерпретации, считал Х.-Г. Гадамер, оказываются лишними. Исчезают в лучах истины?

На третий день нашего пребывания на хуторе я прочитала «Сольник» Шевчука

Даже подготовленная к встрече — не ожидала. Давно с трудом читаю современную прозу, а уж тем более — стихи. Идея конца культуры, высказанная Романо Гвардини ещё в середине XX века, очень близка мне и поддержана собственным опытом. Что же это тогда? Занятие было не из простых. Большинство стихотворений читаешь дважды, трижды: нужно вжиться в сложные, словно рваные ритмы, почувствовать внутренние рифмы, задающие особый настрой. И тогда сумасшедшая энергетика авторского слова захватывает, ставит на грань существования, откуда, по-видимому, только и можно реально ощутить его смысл. Резонанс с собственным опытом проживания событий таков, что прошедшее актуализируется здесь и сейчас как поток творения в обратной перспективе.

В сочетании масштабов

И тут я прозрела: только после 91-го произошла наша переориентация с Латвии на Россию. И топонимика этой российской глубинки видится сегодня глубоко символичной: Орино, Бухолово (подошло бы и Бухá-лово), Свиново, Пыталово. И даже — Епики. Вот вам и драматургия смуты, явленная в конкретном топосе, который дожидался своего часа. Мой мир структурировался на глазах. Я физически ощущала время резонансов, во мне рождались и сквозь меня проходили неслучайные токи жизни, лучи энергий, обеспечивающие симфонию корреспонденций и соединяющие в одно целое разные масштабы бытия.

Я вспомнила: нас трижды предупреждали. О том, что всё заросло и поле перерыто кабанами (они вырывали картошку даже перед окнами жилых домов), о том, что надо было сделать крюк и пойти по дороге, проложенной местными чеченцами, которые на тракторе ездят к реке (но это — в противоположном конце от нашего хутора). Наконец, хозяйка дома, где хранились наши вещи, почему-то рассказала, как в первый год жизни в Бухолово (лет 40 назад) она заблудилась в перелесках у речки и сделала огромный круг, выйдя к деревне уже недалеко от дома, но с противоположной стороны. Нас предупреждали, но мы не относили сказанного к себе.

В круге первом

Народ тоже был предупреждён в 80-х: девальвацией идеи, экономическим кризисом и чехардой власти (*...имена на дверях перелистывая осторожно, не заметишь, как на пол гербарием выпадет вождь...*). Но — безмолвствовал (диссидентов у нас никогда не любили, особенно после того, как поверили им в начале XX, а потом наблюдали раздвоение мыслей, людей, жизни...). Почти без дороги, но, выдержав направление, страна дожила до эпохи Горбачёва.

А мы дошли до первого хутора. Семь лет назад его хозяину пришлось снимать дачу в Бухолово: отмерять километры по полям оказалось уже не под силу. И немудрено: сейчас Николаю Ивановичу 87. Четыре года плена и девять — наших лагерей, потом — 101-й километр. Но — высшее образование, семья, дети, внуки. Какая-то глубинная чистота, вымоленность что ли, доброта и цельность, золотые руки и трезвый ум — свойства, редко сочетающиеся в одном человеке. Его наука — принимать происходящее как должное и строить жизнь дальше. Это ли не путь героя платоновского эпоса Назара Фомина, внутренний путь советского человека? Советская власть себя исчерпала. Но в том времени — наши корни, в том времени — жизнь миллионов и миллионов людей, судьбами которых обеспечена возможность настоящего.

Однако главные испытания были впереди. Прорвало шлюзы душ и страну затопила свобода слова. *Мы бросали слова в рок-н-ролл, как незрячих щенков,* — вспомнится много позже.

В начале перестройки думали, что всего лишь обошли тупики идеологии, а оказалось, что обошли и страну, и народ... Заблудились мы в горбачёвский период на полпути к цели. Что было неверно: цель или средства? Помнится, президентские указы издавались по следам случившегося. Хорошая немецкая идея — «новое мышление» — не сделала погоды на русской почве. Тактика, оставленная на произвол судьбы, окончательно подорвала стратегию. Цель была полностью дискредитирована. А может быть, не цель, а сам принцип целеполагания в беге на длинные дистанции? Об этом ещё не думали. Но:

*Бабушка! Бабушка!
Как мы едем?
Что мы видим?
Чем мы любим?*

Нам нечего было ответить. И не только слова оказались незрячими щенками. Целое поколение рождённых в 70-ые было вброшено в море жизни без руля и ветрил. Скольких из этого поколения сегодня нет с нами! Причины известны. А вот известно ли, что случаев суицида молодых людей в конце 80-х было больше в благополучных семьях?

*Нас сомненья грызут, я сомнениям этим не рад.
Эта мерзкая тяжесть в груди убивает любовь...
Вопрошаем отцов, но не легче от стройных речей.
Не собрать и частичный ответ из подержанных фраз...
И частенько, не веря уже в одряхлевших богов,
Сыновья пропивают награды примерных отцов...
Я получил эту роль — мне выпал счастливый билет...*

В нарастающем развале и опустошении приживалась «американская мечта», разделявшая советских людей на бывших и настоящих, простите, стоящих.

Предчувствие гражданской войны

Возвращение наше к хутору Николая Ивановича на короткий срок — не ГКЧП ли? Первый выстрел. Но хутор брошен, разрушен. Хозяин давно живёт в другом месте.

Помнится, о ГКЧП мы узнали после праздничной службы в храме Карсавы. Преображение Господне, в котором мы только что участвовали, помогло справиться со страхом и увидеть бесперспективность, а, значит, трагичность попытки возврата к прошлому. Конец переворота был понятен и принят как необходимый. К тому же новый лидер обладал ещё большей харизмой, чем предыдущий. Сейчас понимаешь, что Преображение обосновало реальность, став идеей, но идея дважды трансформировалась, извратившись в бинарной логике формальных решений. Теперь требовалось время, чтобы увидеть, понять и найти третий путь.

*Осень, доползём ли, долетим ли до ответа:
Что же будет с родиной и с нами?*

В круге втором

Чтобы увидеть.... Мы вновь в пути. Теперь то уж, среди бела дня, точно дойдём до цели! Пошли, естественно, в ту же сторону: строить капитализм в отдельно взятой России. Только поворот был круче. А вокруг формировалась новая, недружелюбная граница, подкатывала под горло, устраивалась с удобством за наш счёт. А как иначе? Только через оппозицию к ближнему можно отстоять свою самостоятельность, если кроме границ противопоставить нечего. И каждый брал независимости, сколько хотел. Только потом долго не понимал, что делать с этим пустым объёмом, и устремлялся с протянутой рукой к известным лидерам комфорта и уюта: есть слаще, спать мягче и думать меньше.

Второй круг был обманчив. Нам всё время виделись знакомые пейзажи: вот озерцо, что справа от дома. Нет, не оно. Вот массив берёз, окружающих усадьбу. Ну, если не эти берёзы, то те уж точно. Или вот те. Это — окончательно! Нет, не они.... Миражи, миражи реальности, которая не отпускала нас, давая возможность прочувствовать её глубину, непредсказуемость и — мудрость. Ведь всерьёз заблудиться нельзя. Негде. Да и солнце светит, птички поют. Вот только воды бы, воды... Отсутствие воды трезвило. Пиво кончалось. Правда, был ещё «золотой запас»: чекушка «Орехового аромата» — лучшего вина из бухоловского магазина. Мы взяли его на всякий случай, ради дезинфекции колодезной воды. Но пить спиртное в дороге было опасно. (И, слава Богу, не пришлось. На хуторе мы поняли, что провинцию травят хозяйственным мылом и «Ореховым ароматом»).

Следующий выстрел — павловская реформа. Она тоже отрезвила, но ненадолго. Помог дешёвый спирт. Несогласные погибли или потеряли право голоса. Остальные пустились во все тяжкие: надо было выживать. Учились жить самостоятельно, не рассчитывая на помощь. Вот уж где проявилась пассионарность всё ещё советского человека! Время инициаций на поле жизни.

А в параллельном мире демократы воевали с коммунистами. А коммунисты — с демократами. Лагеря, фронты, митинги — вроде как сво-бо-да-а-а! Довоевались до 93-го года.

Октябрь. Провокации ОМОНа в подземных переходах перед Белым домом. Ор усилился: митинги прямо по телевизору, там — трибуна. Странно. Как во сне. Народ безмолвствует... Грянуло. Не может быть! В центре Москвы?! Театр абсурда!

*Аплодисменты! Бис! Везде ревели зрелище,
Стреляло право по беде. Увидишь где ещё?
Стреляло «Браво!» — по беде...
А будущее,
Что только родилось, беззвучно плакало.
А время тикало себе, а сердце такало...*

Прозрение давалось трудно. На сей раз трезвила кровь. Открылась пропасть жизни в масштабе страны. А мы привыкли жить на наведённых

идеями мостах, почти не догадываясь о её существовании. Теперь мосты превратились в сети, и народ увидел...

Помню эпизод в булочной. Длинная очередь к кассе. Сразу за ней — продавец, выдающий хлеб по чекам. Самообслуживание рухнуло, всё инверсировалось: люди выходят там, где раньше входили, через узкий проход между пустыми лотками и барьером. Стою долго. Спешу. Хочу понять, почему двигаемся так медленно. Вижу: кассир выбивает батоны, которые давно кончились. Продавец каждого заворачивает в кассу перебивать чек, а в проходе двоим не разминуться. Так длится достаточно долго. Народ вроде тоже видит, но молчит. Наконец, не выдержав, я возмущаюсь вслух: «Неужели нельзя сказать кассиру, что эти батоны кончились?!». И тут очередь словно бы просыпается. Мне твердят на разные голоса: «Что ты кричишь здесь? Дома с мужем не доругалась?». Я в шоке. Но вдруг замечаю какую-то странность в лицах покупателей. Люди смотрят, но не видят! Ни меня, ни проблемы. В их глазах — досада, оттого что я нарушила их состояние, и некая отстранённость. Вот они — глаза, повёрнутые «очамя внутрь»! Для каждого из этих людей очередь — минуты оправданного покоя, возможность остаться наедине с собой, коснуться внутри себя случившегося, попытаться понять,

*Зачем Жизнь?
Зачем Смерть?
Зачем Мы,
Эти вечные песочные часы
Без притяжения?*

Народ задумался. Не это ли и было смыслом последних событий? Взросление внутреннего человека, понимание логики жизни, открывшейся в самых трагических своих глубинах при свете дня, в потоках осеннего солнца.

Я вспомнила: лето 93-го наполнено было короткими сюжетами в разных жанрах, от драмы до фарса. И не только у меня — у многих моих знакомых. Подготовка к октябрю. Тогда, в булочной, я поняла: Россия выживет. И уже выживает. Рубикон мы перешли.

Никто из братьев-социологов мне не верил. Все прочили несчастья, распад, гибель страны. Несчастий впереди хватало, но это, по-моему, была уже отдача после выстрела. Сила её может быть велика и неожиданна.

Мой вятский дядюшка, прошедший всю войну, был оружейником под Ленинградом и не получил ни одной царапины. Разве что вес его доходил до 38-и кг. Вернувшись домой, проверял починенное им охотничье ружьё и при отдаче выбил себе глаз. Нам в 93-м, похоже, выбили оба глаза, чтобы думали сердцем.

А время тикало себе, а сердце такало...

Разыгранный по нотам расстрел Белого дома благословил российский беспредел. Сверху, от чиновников. Снизу, от бандитов. Границы дозволенного окончательно рухнули. Гуляй, мать моя, не хочю, если есть на что гулять. А нет — никшни!

К хутору второго Николая, Александровича, мы вышли неожиданно. В 90-е годы он один в Орино был местным, хотя жил в отчем доме лишь летом, а постоянно — в Резекне. Но до последнего чувствовал себя хозяином на этой земле и нам помогал и советом, и техникой. С ним мы приводили в порядок ближайшие дороги, купались в вырытом им водоёме, под его руководством даже построили мост через Утрою, чтобы дорога до Карсавы стала короче. Хутор опустел после установления границы. А Николай умер. Мост разрушили латвийские пограничники, озерцо заросло, как и дороги.

Хотя до следующего хутора мы быстро добрались и без дорог. Его хозяйева, наши друзья, давно уехали за границу. Куда дальше, чем Латвия. Оставалось 10 минут хода, как и от сгоревшего дома с другой стороны. Но этот-то дом был почти цел, что внушало надежду.

Почти. Нам почти не платили зарплату. Рушились совхозы, так как сломанная вертикаль власти перестала обеспечивать даже сбыт продуктов. И акционирование не помогло. Освободившиеся ниши инфраструктуры быстро заполнились посредниками оттуда, где было ещё хуже, чем у нас. Иммиграция в Россию семьями, кланами, компактность проживания и семейственность бизнеса способствовали сохранению этнической идентичности и национальной культуры прибывающих. У них всё получалось.

Может быть, и впрямь мы уже на последней стадии развития этноса?

*Мы прошли свою дорогу
По фашистам, по поспе.
Мы тащили души к Богу,
Жалко, выжили не все.*

Всё кончено? Смиримся:

*Траурный митинг сегодня назначили
Мы по усопшей стране, господа...*

А потом — с душой Достоевского, с комплексами Блока — ресторан, осознавая, что

*Судьбу развел, как бронхит, синдром Льва Толстого.
Непротивление — слева, справа — грубое слово.
Господь сорвал голос, его мало кто слышит.
Но жизнь и так хороша, и поэтому дышит.*

Или это — одно из сильнейших искушений русского человека полной свободой и жёсткое испытание его внутренней состоятельности? В ситуации, когда будущее уже определено своей неизбежностью, но качество его зависит от духа и воли каждого? Пожалуй, так. Однако видеть, прозревать реальность начинают единицы:

*Но тут ты появилась, и этот бред вспыхнул храмом...
Как на невольничьих рынках, стояла Родина голой
На задворках Европы, с крылами до пола.
Я забыл, кем я стал, и оставил искусство...*

У виденья другие глаза. Обретя их, отличаешь истину от подмены, как бы искусно не маскировалась последняя под первую. И тут тебя ждёт вереница открытий.

В круге третьем

Совершив последний круг против всех правил, мы недаром снова уткнулись в дом друзей, давно уехавших из России. Время было такое:

*Расстреляли рассветами память, бредущую в поле.
Исходили всю воду, а берега до сих пор нет.
Поменяли, не глядя, на счастье свободную волю
Да пожгли фонари, не познав, где кончается свет.*

Заграница маркирована в оппозиции с родиной. Массовый отъезд людей, вывоз капиталов, американские советники, пьяный президент по ТВ, чехарда премьер-министров — нам строят демократическое государство или большой симулякр над пропастью? Опять латают мостки и пиарят жизнь на них как единственно истинную. Фарс почище хрущёвского, переходящий в гротеск. Только злее.

На чём мы выдержали в те годы? Почему страна не погибла? Вот услышанный поэтом в Чечне голос солдата: «Служим России. Потому что больше служить уже некому». Служим России! Не они ли, солдаты России, вытащили её из бездны?

*Умерла
Россия в Польше,
И в Берлине нету больше,
Отцвела,
Отпевали на Кавказе,
Растянули на приказе,
Нету сил...*

Но:

*Проносил
Я её в своём кармане
В Душанбе, Чечне, Афгане...*

*Возле тьмы
Только мы вдвоём с тобою,
Подползай, браток, прикрою,
Будем жи...
Будем живы — не помрём.
Достоим, дожмём, дотянем,
На косу усопшей глянем,
Оживим и допоём.*

Но и мы уже кое-что понимаем:

*Всё не в масть, и всё — досада, света тьма — да света нет.
Завели хмыри в засаду и пытаются столько лет.*

*Днём со свечками искали выход в жизнь, где всё не так.
Дырок много, все слышали, а не выскочить никак.*

Мы — ищем! И мудреем в поиске:

*Пропавший без вести, ты знаешь обо всём,
О том, как выйти за пределы смысла.
Не воскрешён, но вечен, с Ним и в Нём
Уничтожаешь формулы и числа.*

*Пропавший без вести —
Я назову Тобой дорогу.*

Владеющий дорогой

И дорога нашлась. Другая, неизвестная ранее. А у дороги два конца. Вот и получилось: шаг назад ради двух шагов вперёд. Символика имени не случайна. Да и что может быть случайным в истории? Всё в ней — как должно быть. Все мы — воины духа. В каждом — невидимая брань. Внешний враг предстаёт как отраженье внутреннего, как материализация наших проблем. Уйти значит сдать себя с потрохами. И потому

*Почерневшая от предчувствий и страха,
Бьётся жила на белом от боли виске.
Мы в последнюю, ночную атаку
Поднимаем себя с живота, налегке.*

Ах, сова, сова, древний символ мудрости! Может быть, и ты совсем не случайно поселилась в этом полузаброшенном доме, на границе дозволенного: страны, судьбы. Ведь именно здесь мне пришлось пережить и осмыслить событие, сконцентрировавшее тяжкий период жизни в едином актохронотопе, *где пространством свито время*, где прорастает семя реальности, которое открывается только понимающему сердцу:

*Понимающее сердце
Укрепляет тех кто любит
Тех кто верит очень скоро
Позовёт с собой в дорогу
Понимающее сердце
И простит нас и рассудит
И распятое на Мойке
Отогреет понемногу*

Испытание встречей

26 сентября была на концерте Юрия Шевчука. С первых тактов, с первых слов во мне что-то стало происходить, словно за грудной поставили невиданной силы вибратор (звучит по Фрейду, может сравнить с чем-то другим). Сначала испугалась, решив, что сердце так бьётся. А ведь возраст.

Глядишь — не выдержу. Проверила пульс: норма. Шли минуты, вибратор во мне затихал только в перерывах между песнями. Молчал он и тогда, когда на сцену выходили другие команды. Даже потрясающее выступление грузинской группы вызвало обычные в таких случаях чувства сопереживания, восхищения, благодарности за высокое искусство.

Искусство... Когда пел Шевчук, моё состояние было иным. Принципиально иным. Создавалось впечатление, что в огромном зале СКК, заполненном людьми, открывались новые сквозные пространства с удивительно чистым, свежим воздухом. И в голове становилось всё легче и светлее. Причём ни грамма напряжения, ни капли агрессии не было в атмосфере. Был разговор друзей, которые понимали друг друга с полуслова, и Шевчук со своей группой представал первым среди равных. Пожалуй, ничего подобного я не видела и не ощущала ни на одном концерте.

Значит, не искусство в привычном смысле, не концерт как явление культуры, а действие, маркирующее собою определённый способ восприятия реальности, не утрирующий и не искажающий её на потребу чувств или идеи. Это было вхождение в резонанс на чистоте верного звука и точного смысла. Это было служение человека, обладающего выстрадавшим, а потому спокойным и ровным даром посредничества между дольным миром и горним. Это было чистилище наших душ, без всяких метафор, в наипрямшем смысле. И в этих очищающихся от будничных обычных грехов душевных пенатах живыми кристаллами светились устойчивые конфигурации артикулированных звуков — проводники в сферы ещё не угаданных смыслов. Кто сможет, увидит, захочет — путь открыт.

